

Морозов Николай Александрович

На границе неведомого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович М.**
На границе неведомого / Морозов Николай Александрович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 202 с.

ISBN 978-5-519-97481-3

ISBN 978-5-519-97481-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Къ читателю.

Да, мы живемъ на границѣ невѣдомаго. Какъ часто, глядя ночью въ глубину небеснаго пространства, я, еще мальчикомъ, чувствовалъ себя какъ бы на берегу бездоннаго океана. Берегомъ его была земля, на которой я жилъ, а бездоннымъ океаномъ представлялось міровое пространство передо мною и надо мною. И сколько въ немъ было невѣдомаго!

Потомъ прошли года. Прочные каменные своды темницы надолго отдѣлили меня, вмѣстѣ съ немногими друзьями, отъ этого океана полного еще не разгаданныхъ чудесъ и тайнъ, но воспоминанье о немъ оставалось. И вотъ, въ тихіе вечера полного одиночества, образы и идеи, навѣянные прошлыми созерцаніями, съ непреодолимой силой вновь возрождались въ моей головѣ и требовали своего выраженія.

Такъ одинъ за другимъ и были написаны для развлеченія товарищей по заточенью всѣ эти рассказы тайно передававшіеся когда-то отъ одного другому, и снова возвращавшіеся ко мнѣ въ одиночество.

Э р ы Ж и з н и.

. (Полуфантазія).

I.

Это было въ одну изъ мрачныхъ январскихъ ночей 1864 г., когда Петропавловская крѣпость была переполнена политическими узниками. Сильная вьюга бушевала надъ окованной снѣжнымъ покровомъ равниной и наносила порывистымъ вѣтромъ цѣлые сугробы снѣга на сѣрые угрюмые бастіоны и на почти спрятавшійся подъ ихъ покровомъ островокъ Алексѣевскаго равелина, эту таинственную могилу, гдѣ безслѣдно исчезали жертвы политическихъ гоненій и абсолютизма.

Въ одной изъ небольшихъ одиночныхъ комнатъ низенькаго треугольнаго зданія внутри этого островка тускло горѣла лампочка на деревянномъ столикѣ и освѣщала своимъ желтоватымъ свѣтомъ сѣрыя стѣны, покрытыя внизу бѣлыми узорами плѣсени, простую черную

кровать и темный профиль заключенного, все лицо котораго было въ тѣни.

Онъ всталъ съ трудомъ съ постели и, шатаясь на опухшихъ отъ цынги ногахъ, какъ бы проволочился нѣсколько разъ по комнатѣ, прислушиваясь къ вою вѣтра за деревянной рамой окна и къ шуршанію снѣга, бьющагося порывами въ матовыя стекла рамы, на которыя падалъ снаружи слабый мерцающій свѣтъ отдаленнаго фонаря и отражалась клѣтчатая тѣнь желѣзной наружной рѣшетки. Страшная колючая боль въ ногахъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ сопровождавшая каждое его движеніе, заставила его сейчасъ же въ изнеможеніи сѣсть на мѣсто. Но вдругъ онъ снова поднялся, какъ бы подъ вліяніемъ электрическаго тока, и выраженіе энергіи отразилось на его исхудаломъ лицѣ.

— Нѣтъ, на зло врагамъ, я не умру, я не долженъ умереть,—лихорадочно шепталъ онъ самому себѣ. — Во что-бы то ни стало я долженъ жить и для этого долженъ ходить, потому что въ моемъ теперешнемъ положеніи отсутствіе движенія—смерть. Я уже стою одной ногой въ могилѣ, но силой воли я заставляю свое тѣло побѣдить всякую болѣзнь. Я буду еще жить и все, что я теперь знаю, еще увидить свѣтъ, и знаніе истины сдѣлаетъ людей счастливыми.

Онъ снова всталъ съ постели и снова ша-

таясь началъ ходить взадъ и впередъ, несмотря на то, что въ его глазахъ темнѣло послѣ каждаго новаго перехода черезъ комнату, и онъ долженъ былъ постоянно хвататься отъ слабости то за край стола, то за стѣны комнаты; онъ ходилъ и ходилъ, хотя послѣ нѣсколькихъ минутъ движенія все-таки почти безъ чувствъ, въ страшныхъ мученіяхъ валился на свою постель.

Что же заставляло его такъ страстно стремиться къ жизни въ этомъ уныломъ мѣстѣ неволи, въ этомъ заброшенномъ и безнадежномъ положеніи? Что такое онъ зналъ?

Онъ зналъ очень многое, чего не знало большинство его современниковъ; онъ зналъ, что свѣтъ науки и сила истиннаго знанія медленно, но вѣрно разгоняетъ уродливые фантомы и дикіе призраки невѣжества и суевѣрія еще наполняющіе головы людей и заслоняющіе отъ ихъ глазъ весь чудный безконечный міръ. Онъ зналъ, что порывъ могучей жизни низвергнетъ насиліе и произволъ, и на мѣстѣ этого жилища неволи будетъ нѣкогда воздвигнута статуя свободы. Но не это волновало его теперь. Другое особенное знаніе было у него. Чудно и странно было это знаніе, не то первое откровеніе грядущей истины, не то первые симптомы начинающагося сумашествія. Оно только что въ эту ночь пришло къ нему, въ его напряженный и экзальтирован-

ный мозгъ, когда вьюга бушевала вокругъ его жилища и порывы вѣтра наносили сугробы снѣга на его одинокое окошко.

Въ эту ночь онъ долго думалъ о загадкахъ вѣчности и міровой жизни. Онъ думалъ объ отдаленномъ будущемъ земного шара, когда человечество, пройдя длинную цѣпь вѣковъ, достигнетъ своего полного и пышнаго развитія, достигнетъ абсолютнаго познанія истины, и, наконецъ, подчиняясь неумолимому закону охлажденія земного шара, принуждено будетъ постепенно исчезнуть сначала въ полярныхъ областяхъ земли, затѣмъ въ умѣренныхъ, а послѣ всего и въ экваторіальныхъ странахъ.

Ярко рисовалась въ его умѣ торжественно-молчаливая картина будущаго всеобщаго облещенія, гдѣ солнечные лучи отражаются лишь отъ безконечныхъ снѣговыхъ полей и нагроможденныхъ ледяныхъ глыбъ, подъ холоднымъ покровомъ которыхъ лежитъ безконечное кладбище миллионовъ поколѣній, и грустное чувство волновало его грудь. Что же будетъ дальше? Неужели здѣсь конецъ всему, конецъ всякой сознательной жизни на землѣ и даже во всей Вселенной? И вдругъ неожиданная идея блеснула въ его умѣ и сразу измѣнила общій видъ этого мертваго оцѣпенѣлаго ландшафта. Онъ былъ когда-то страстнымъ любителемъ физики и астрономіи, и посвящалъ изученію вѣчныхъ законовъ при-

роды все время, остававшееся у него свободнымъ отъ политической борьбы, и онъ вспомнилъ теперь объ одномъ видѣнномъ имъ когда-то опытѣ надъ углекислотой, гдѣ эта послѣдняя, подѣ вліяніемъ давленія и охлажденія въ замкнутыхъ сосудахъ, превращалась передъ его глазами въ жидкость, совершенно подобную водѣ.

— Нѣтъ, этотъ вѣчно оцѣпенѣлый покой будущей природы существуетъ лишь въ воображеніи современныхъ поколѣній, — сказалъ онъ самъ себѣ. — Царство льда и смерти будетъ непродолжительно. Всего лишь семьдесятъ восемь градусовъ холода, и невидимыя, но громадныя массы углекислоты, наполняющія земную атмосферу и завывающія въ этомъ вѣтрѣ и мятели, увеличенныя всѣми новыми процессами горѣнія, вулканической дѣятельности и полузамѣщенія угольного ангидрида водою въ известнякахъ послѣ ихъ подземнаго прокаливанія — всѣ начнутъ обращаться въ жидкость, и новый океанъ изъ углекислоты, образовавшійся сначала на обоихъ полюсахъ земли, въ видѣ двухъ отдѣльныхъ изолированныхъ морей, мало по малу будетъ надвигаться къ экваторіальному поясу нашей планеты, пока оба новыя моря не сольются воедино вокругъ будущихъ ледяныхъ континентовъ.

И онъ ясно видѣлъ бушующія волны этого океана, слышалъ шумъ ихъ грознаго прибоя о ледяныя утесы и скалы новаго міра. Ярko

свѣтило солнце на безоблачномъ небѣ и его холодные для нашего тѣла лучи были страшно жгучи для будущей обледенѣлой природы. Милліоны невидимыхъ частицъ поднимались подъ ихъ вліяніемъ съ поверхности новыхъ морей въ прилегающіе слои атмосферы и быстро уносились вверхъ порывами свѣжаго вѣтра. Вотъ они достигли болѣе холоднаго теченія воздуха и облачко углекислоты сгустилось на темноглубомъ небѣ. Быстро появлялись все новыя и новыя облака; они собирались въ свинцово-сѣрую грозовую тучу; вотъ грянулъ первый ударъ грома, блеснула молнія и потоки крупнаго дождя изъ жидкой углекислоты полились на снѣжно-ледяную почву. Шумно зажурчали ручьи и потоки по давно прорытымъ оврагамъ, сбѣжали прыгающими каскадами между ледяныхъ скалъ и влились въ рѣки, моря и озера, нанося на ихъ дно цѣлые слои отмытыхъ ледяныхъ кристалликовъ и крупинокъ, перемѣшанныхъ съ частицами песку и глины. Быстро пронеслась гроза и яркая радуга заблестѣла на послѣдней завѣсѣ удаляющагося дождя углекислоты.

И все въ этомъ новомъ мірѣ было такъ же, какъ и въ нашемъ. Такъ же клубились облака на небѣ, такъ же журчали весеннія воды, такъ же медленно наслаивались на днѣ морей, озеръ и океановъ наносные пласты ила. Кое-гдѣ по берегамъ ледяныхъ континентовъ эта новая